

широко развитая отрасль транспорта. Далее следует морской транспорт, где частному капиталу принадлежит примерно половина флота. Железнодорожный и воздушный транспорт находится под контролем государства: только небольшая часть подвижного состава на железных дорогах

эксплуатируется частными фирмами, они занимают какое-то место и в сфере обслуживания.

Книга В. Веселова, дающая представление о состоянии транспорта нашего южного соседа, своевременна и полезна.

Б. ПОЦХВЕРИЯ

ПРАВДА О «РИСОВЫХ БУНТАХ»

ЗАМЕТНЫЙ след в японской истории оставил 1968 год. В этом году официальная Япония пышно отпраздновала столетие «реставрации Мэйдзи» — незавершенной буржуазной революции 1868 года, открывшей путь развитию японского капитализма. Демократические силы противопоставили этому юбилею пятидесятую годовщину «рисовых бунтов» 1918 года, явившихся первым подлинно массовым революционным движением трудового народа Японии. В ответ на усилия правительственной пропаганды и некоторых историков, пытавшихся использовать «столетие Мэйдзи» для того, чтобы оправдать и приукрасить реакционную внутреннюю и внешнюю политику японского империализма в довоенные годы, прогрессивные ученые подготовили и опубликовали целую серию материалов, рассказывающих о революционных традициях японского пролетариата. Одной из самых последних новинок в этой области явилась книга профессора университета в Кобэ Макото Абэ «Хёго комэсодоки» («Рисовые бунты» в провинции Хёго).

Книга Макото Абэ — это своеобразный ответ буржуазному писателю Сабуро Сирояма, который в 1966 году выпустил роман о «рисовых бунтах» в Кобэ и провокационно назвал его «Нэдзуми» («Крысы»). В центре романа — торговец Наоёси Канэко, которого автор пытается обелить. Он стремится внушить читателям мысль о том, что действия восставших явились якобы не выра-

жением гнева и ненависти к этому спекулянту, а были вызваны подстрекательством безответственных элементов.

В связи с этим представляют интерес те страницы книги Макото Абэ, где он развенчивает много лет бытовавшую в японской исторической литературе легенду о том, что бунтами в Кобэ руководил известный в те годы социалист Кэндзи Фудзита и что под его руководством была подожжена фирма «Судзуки сётэн». Автор буквально по часам прослеживает действия Фудзита в Кобэ и доказывает, что этот социалист, как и большинство его единомышленников, не принимал участия в бунтах, которые развивались совершенно стихийно.

«Тем не менее, — подчеркивает Абэ, — «рисовые бунты» имели для Японии огромное внутриполитическое значение и получили широкий международный резонанс. Они одним ударом свергли режим военщины, возглавлявшийся Тэраути, и привели к власти партийное правительство, то есть сделали то, чего политики добились много лет».

Хотя Макото Абэ и отмечает в книге международный резонанс «рисовых бунтов», он, к сожалению, уделяет мало внимания влиянию Великой Октябрьской социалистической революции на народное движение в Японии осенью 1918 года. Он совершенно не касается также вопроса о том, деморализующем воздействии, которое оказали бунты на японских солдат, посланных в Сибирь.

Примечателен в этом отношении роман Дзэнъэ Хорита «Ёруно мори» («Ночной лес»), опубликованный в журнале «Гунсё» еще в 1954 году. Его герой — посыль-

ный из лавки галантерейщика в Кокура. В 1918 году его мобилизуют в армию и отправляют в составе японского экспедиционного корпуса в Сибирь. В поезде, следовавшем из Владивостока в Хабаровск, он случайно подбирает японскую газету, из которой узнает о «рисовых бунтах» на родине.

Пытаясь разобраться в одолевших его сомнениях, герой романа внимательно читает все, что писали газеты о «рисовых бунтах». Он начинает мучительно размышлять над происходящими вокруг него событиями, и «сибирская экспедиция» предстает перед ним совсем не в том свете, в каком изображала ее официальная пропаганда. В его дневнике появляется знаменательная запись: «Вся Сибирь представляется мне как бы ночным лесом, наполненным обманчивой темнотой... И мы находимся в этом лесу с отвратительным ощущением того, что не понимаем, кого же здесь защищаем, во имя каких целей сражаемся».

Если у героя романа Дзэнъэ Хорита «рисовые бунты» и интервенция в Сибирь только-только пробуждают политическое, классовое сознание, то для передовых представителей японского пролетариата они явились сигналом к действию. В Японии развернулось движение за признание рабочекрестьянской России.

Несмотря на свое большое значение, «рисовые бунты» представляют собой один из самых слабо изученных разделов истории Японии. И уж поистине «белым пятном» историографии является антивоенная, антиимпериалистическая деятельность первых японских интернационалистов. Главная причина этого заключается в том режиме реакции, который господствовал в Японии в период между двумя мировыми войнами. Репрессии обрушивались не только на непосредственных участников «рисовых бунтов», но и на тех ученых и публицистов, которые пытались исследовать революционное движение этого периода.

Работа, проделанная прогрессивными учеными Японии в связи с 50-летием «рисовых бунтов», сделавшая события того времени достоянием широких масс, помогает демократическим силам найти правильный путь и в нынешней, чрезвычайно сложной обстановке в Японии.

Ю. ГЕОРГИЕВ,
кандидат исторических наук

Макото Абэ. «Рисовые бунты» в провинции Хёго, Токио, издательство «Синнихон», 1969 (на японском языке).